

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

Научная статья

УДК 396

Диана Юрьевна Ефимова

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия,
dianaefimova3769@gmail.com

Попытки изменения гендерных стереотипов в 1920-е годы в советской России

Аннотация. Статья посвящена изменению положения женщины в 1920-е гг. в Советской России. В работе рассматриваются изменения в сфере брачных отношений, работа женотделов и делегатских собраний, привлечение женщины на производство, печать и новая половая мораль.

Ключевые слова: брак, ценности, женотдел, производство, печать, А. Коллонтай, Н. Крупская

Для цитирования: Ефимова Д. Ю. Попытки изменения гендерных стереотипов в 1920-е годы в Советской России // Молодежный научный вестник СГУ им. Питирима Сорокина. 2025. № 1. С. 35–47. URL: <https://mnv.syktsu.ru/>

Article

Diana Yu. Efimova

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia,
dianaefimova3769@gmail.com

Attempts to change gender stereotypes in the 1920s in soviet Russia

Abstract. The article is devoted to the change in the women` status of in the 1920s in Soviet Russia. The author studies changes in the sphere of marital relations, the work of women's departments and delegate meetings, the women` involvement in production, the reflection of new phenomena in the press and the formation of a new sexual morality.

Keywords: marriage, values, women's department, production, printing, A. Kollontai, N. Krupskaya

For citation: Efimova D. Yu. Attempts to change gender stereotypes in the 1920s in Soviet Russia. *Molodezhnyj nauchnyj vestnik SGU im. Pitirima Sorokina* [Youth scientific bulletin Pitirim Sorokin Syktyvkar State University]. 2025. No 1. Pp. 35–47. URL: <https://mnv.syktsu.ru/>

Период 20-х гг. XX в. достаточно уникален в сфере гендерной истории, он отличается кардинальными изменениями, несмотря на достаточно короткий по историческим меркам временной отрезок. Была предпринята попытка создания совершенно новой культурной модели, в которой роль женщины и мужчины, как и их взаимоотношения, были радикально переосмыслены. Происходила глубокая трансформация, при которой прежние традиционные модели форм и способов социально-политической активности широких масс отвергаются как непригодные в идеологическом смысле [2, с. 27].

26 октября 1917 г. советская власть приняла декрет «Об образовании рабочего и крестьянского правительства», который провозгласил равенство мужчин и женщин в политических правах. А в первой Советской Конституции 1918 г. было закреплено политическое равноправие. Именно этого добивались женщины еще с конца XIX в. В связи с чем в 1920-е гг. последовали глубокие изменения во всех сферах жизни общества.

Одним из важных моментов стоит указать изменения в брачных отношениях. В кодексе «О браке, семье и об опеке» 1926 г. уравнивается гражданский брак (зарегистрированный загсом) и «фактический брак» (незарегистрированный), или сожитительство. При этом сожитительство можно узаконить с указанием фактического срока совместного проживания. Доказательства брачного сожитительства для суда могут быть следующими: «...факт совместного сожитительства, наличие при этом сожительстве общего хозяйства, выявление супружеских отношений перед третьими лицами в личной переписке и других документах, взаимная материальная поддержка, совместное воспитание детей» [8, с. 126].

Также в кодексе оговаривается, что «нуждающийся нетрудоспособный супруг имеет право на получение содержания от другого супруга, если последний по признанию суда в состоянии оказывать ему поддержку» [8, с. 126]. При этом данным правом может воспользоваться и трудоспособный супруг в период безработицы. То же самое применяется и к фактическому браку (сожительству).

В декрете «О расторжении брака» оформляется право на свободный развод, который осуществлялся по просьбе обоих супругов или одного из них. В

дореволюционной России расторжение брака мог разрешить только Святейший синод по строго ограниченным поводам.

Однако за тем, что упростили процедуру заключения и расторжения брака, признали сожителство, последовал подрыв моральных ценностей. Возросло количество разводов: «В целом по России в 1929 году количество разводов достигло 20 000, что составляло от 10 до 20 % всех дел гражданского права» [11, с. 70]. Люди перестали относиться к браку как к вечному союзу.

К одному из проявлений ослабления моральных ценностей можно отнести распространение абортв. Причинами роста количества искусственного прерывания беременности могут быть: новая половая мораль, затруднительные поиски отцовства и переосмысление материнства. Где «переосмысление материнства» — идея, что женщина вправе решать, быть ей матерью или нет. Также важными причинами распространения абортв будет их официальное разрешение, которым является декрет от 18 ноября 1920 г. «Об искусственном прерывании беременности», и слабое распространение контрацепции.

Ослабление института семьи может подтвердить тот факт, что в 1918 г. Всероссийский съезд работниц сделал объявление, что «...семья перестает быть нужной для общества, так как с победой коммунизма все хозяйственные работы и заботы о членах семьи берет на себя коллектив, само государство трудящихся. Все материальные основы семьи исчезают» [9, с. 87]. «Брак превращается в свободный товарищеский союз равноправных самостоятельно зарабатывающих членов великой трудовой семьи» [5, с. 36].

Просвещением женщин занимались женотделы. «В сентябре 1919 года в структуре ЦК партии большевиков был создан Отдел по работе среди женщин — Женотдел ЦК ВКП(б), в 1926 г. его преобразовали в Отдел по работе среди работниц и крестьянок. Женотделу ЦК партии подчинялись республиканские, краевые, областные и районные женотделы» [9, с. 85]. Длительное время заведующие Женотделом ЦК возглавляли журналы «Работница» и «Крестьянка».

Изначально только выбирались методы работы. С 1920 г. выработаны основные направления и появилась женская печать. «В 1917–1941 гг. насчитывалось 97 газет и журналов для женщин» [9, с. 85]. Изначально просвещение происходило через газеты, но «после окончания гражданской войны основным типом женского издания становится журнал» [9, с. 85].

Женотдел включал в повестку дня «женский вопрос», агитировал за идеи эмансипации. Также он организовывал работу партий, организаций, руководил комсомолом и пионерскими отрядами, Советами по решению женского вопроса.

Еще одной важной задачей женотдела стала пропаганда атеизма. Лекции были направлены на разрушение устоявшегося мировоззрения, акцентировалось внимание на то, что в СССР нет места религии. Чтобы справиться с религиозными предрассудками, устраивались различные митинги и акции, инициаторами которых выступали и делегатки.

Закрепить новые идеалы помогали и новые праздники, такие как 8 марта, 1 мая и 7 ноября. «Борьба с религиозными праздниками и пропаганда новых являлись одной из высших задач женотделов» [7, с. 12].

Женотделы внесли огромный вклад в формирование советской женщины. Благодаря им улучшилась грамотность населения, происходило становление нового мировоззрения. Много женщин, которые занимались только домом и детьми, стали активными участниками общественной, культурной, политической жизни страны.

В 1930 году Женотделы были закрыты в связи с тем, что партийные руководители признали «женский вопрос» решенным. Стоял вопрос и о закрытии женской печати. «Мы со всей категоричностью заявляем, что еще не настало время для ликвидации женских изданий», — заявляла Н. Торская в 1930 г.» [9, с. 85].

Также к массовому просвещению женщин можно отнести делегатские собрания — выборные комиссии, созданные при секциях городских и сельских советов СССР в 20-е гг., которые можно отнести к «школам коммунизма». Работали они следующим образом: женщины объединялись в собрания под руководством специальных организаторов. В его рамках проходило идеологическое обучение, приобретение профессиональных навыков для работы на благо советского общества. Агитация работы в делегатском движении превозносило трудящихся в нем женщин до героев и также отражало это в различных публикациях. По образу делегатка противостоит широко распространённым в советском российском менталитете патриархальным стереотипам и создает «новое общество».

В практической работе власти рассчитывали на женские качества. В основном делегатки должны были контролировать госпитали, воинские части, коммунальные столовые, приюты, детские сады, детские и родильные дома. В данных учреждениях «своим хозяйским глазом они сразу видели, где какие беспорядки, нечистота, запущенность, указывали на это администрации и совместными усилиями старались исправить недочеты и злоупотребления» [3, с. 87].

К сожалению, не всегда делегатки относились ответственно к своим обязанностям. «Женщины-работницы, переживавшие нелегкие времена революционных преобразований, Гражданской войны, послевоенного времени, действительно зачастую равнодушно относились к инициативам женотделов, многие, становясь делегатками, пытались, что было вполне объяснимо, использовать положение в собственных интересах» [2, с. 50]. Например, частые командировки делегаток в Москву могли быть не с целью «разъяснения вопросов» и «ознакомления с работой», а для осуществления личных покупок.

Иногда злоупотребление было вынужденной мерой в связи с недоработкой системы. Делегатки могли столкнуться с такими проблемами, как отсутствие пайка и невыплата заработной платы. «Однако комиссии, работавшие на местах, регулярно ссылались на трудности, связанные с убеждением женщин работать на таких условиях» [2, с. 50].

Делегатские собрания проводились от двух до четырех раз в месяц. Сначала прослушивались лекции в духе идеологического просвещения, а затем делегатки предоставляли отчеты о проделанной работе. Все решения заслушивались на следующем собрании. Эти собрания продолжались до начала 30-х гг. «Подводя итоги деятельности делегатских собраний, можно сказать, что они дали определенное число специалистов, прежде всего, в области просвещения, охраны материнства, социального обеспечения» [2, с. 53].

Делегатки занимались «трудовым раскрепощением» работниц, мобилизовывали на производство в основном с помощью идеологического просвещения, а не финансового поощрения. С одной стороны, пропагандировалась социальная эмансипация, но не скрывалось, что привлечение женщин на производство — вынужденная мера по причине «...призыва мужчин в Красную Армию, отъезда рабочих в деревни из-за продовольственного кризиса и резкого падения размеров заработной платы» [1, с. 108].

Женщины делились на две категории: «передовую» и «отсталую» [6, с. 61]. «Передовая» означала, что женщина готова пойти работать, что характеризовало переход от «угнетения» к «освобождению». Однако «...не все женщины воспринимали как "освобождение от домашнего рабства" долгие часы работы на шумных и вредных для здоровья фабриках и заводах за мизерную зарплату под руководством авторитарных начальников» [12, с. 122].

Период 1920-х гг. — только начало эмансипации, и общество еще не перестроилось в соответствии с новыми ценностями, из-за чего на производстве со-

хранились гендерные стереотипы: «Сохранение оценки женщины как работника "второй категории"; оценка женщин как менее способных работников; сосредоточение женщин в низкооплачиваемых отраслях производства...» [12, с. 120]. Основной проблемой было отсутствие квалификации у женщин, что порождало проблему низкого заработка. «В 1927 году средняя зарплата работницы составляла всего 64 % от заработной платы рабочего (при существовавшем равенстве оплаты за одинаковую квалификацию)» [12, с. 120].

Безграмотность — одна из главных проблем «передовой» женщины. Свою историю в 1930-е гг. рассказала советская активистка: «Жилось мне плохо, все мне было чужая. Я даже не знала, для чего существует советская власть и как выполняется пятилетний план. Словом, жила, как скотина, не понимала, для чего и сама живу на свете» [6, с. 62]. Где под «скотской жизнью» подразумевается комплекс отсталостей (социальных, трудовых, бытовых), накопленных за годы в «угнетении», которые не дают женщине выбиться в «светлое будущее». Безграмотность не давала возможности женщине занимать ряд рабочих мест, например, такой случай опубликовали на страницах одного из журналов: «Выдвинули одну работницу на более квалифицированную работу в ситцевый отдел тверской “Пролетарки”. Пришлось ей записывать выработку, а она неграмотная. Что делать? Опять в уборщицы идти?» [6, с. 62].

С другой стороны, именно советская власть с ее идеями дала женщине возможность избавиться от этой безграмотности. Для других представительниц данного периода происходящие процессы были действительно началом «новой жизни». Так, в редакцию одного из журналов поступает письмо со следующим содержанием: «Теперь моя жизнь очень изменилась. Я второй год работаю на производстве. Узнала о новой жизни. Хожу на собрания, кончила ликбез, научилась читать и писать. Выбрали меня делегаткой, работаю в секции РКИ и в других комиссиях участвую. Как могу помогаю советской власти. Подписываюсь на все займы» [6, с. 64].

Мужчины были против появления женщин на производстве: «подавляющее большинство из них не потерпело бы, если бы жена зарабатывала больше» [12, с. 122]. Были случаи, когда мужчины работали сверхурочно, чтобы не позволить представительнице прекрасного пола использовать токарный станок. «На "Красном путиловце" в Ленинграде <...> по свидетельству женотдела, работницам "приходилось драться за каждый станок"» [12, с. 121].

Сексуальные связи стали социальным лифтом для некоторых работниц: «...если понравилась физиономия какой работницы, то он ее ставит куда потеплее, например мастерицей или проверщицей, как, например, Ключеву. Она работала на мокрых ватерах, но там очень грязно; так как мастер имеет к ней симпатию, он моментально перевел ее проверщицей, несмотря на то что она не в курсе дела» [12, с. 122]. Способами «вознаграждения» могли быть: гарантия от увольнения, подарки, более комфортные условия труда.

В январе 1920 г. была введена всеобщая трудовая повинность — законодательно закрепленная обязанность выполнять общественно полезные работы. Г. А. Соломон, видный деятель того времени, описывал это так: «... "буржуи" должны были исполнять ещё разные общественные работы. Дворников в реквизированных хатах не было, и всю черную работу по очистке дворов и улиц, по сгребанию снега, грязи, мусора, по подметанию тротуаров и улиц должны были производить "буржуи"...» [1, с. 108]. А. Коллонтай агитировала на выполнения общественных работ, считая, что это приблизит «светлое будущее»: «тем скорее по всей трудовой России возникнут детские дома, ясли, дома-коммуны, общественные столовые, центральные прачечные и т. д., т. е. все учреждения, которые разгрузят женщину от непроизводительной домашней работы» [1, с. 108].

Отдельно был поднят вопрос половой жизни. А. Коллонтай провозглашала свободные отношения. Так, в ее рассказе «Любовь трех поколений» определяется «будущая правда» на стороне новых чувств, понятий, усмотрений. Однако ее идеальная модель будущего сопровождается отсутствием нравственности, постоянными поисками отцовства, увеличением количества аборт, распространением венерических заболеваний, т. е. подрывом моральных ценностей.

Против «сексуального извращения» А. Коллонтай выступил А. Залкинд — советский психиатр. В 1924 г. он написал и выпустил популярную работу «Двадцать половых заповедей революционного пролетариата». Доктор попробовал регламентировать личную жизнь мужчин и женщин в СССР на основе классовой и пролетарской этики. А. Залкинд поддерживает половое воздержание до брака, моногамный союз мужчины и женщины и считает половой акт конечным завершением глубокой любви и привязанности к объекту. Психиатр выступает против частой смены партнера, ревности, ухаживаний и прочих методов полового завоевания. Брак должен быть основан на доверии, честности и идейной близости. Доктор считает, что «половое» должно подчиняться классовому. В случае возникновения проблем между мужчиной и женщиной общество имеет право вмешаться для разрешения разногласий. Его идеи значительно отличаются от ради-

кальных высказываний А. М. Коллонтай и «пришлись вполне по вкусу идеологам новой власти» [11, с. 71], из-за чего просуществовали более полувека.

Александру Михайловну мы знаем как автора радикальных идей, одной из них было освобождение женщины от «кухонного рабства», при этом материнство тоже с ним отождествлялось, поскольку не меньше закабалило представительницу прекрасного пола в семье. По мнению революционерки, за женщиной остается только воспроизводство, а воспитанием и содержанием «нового человека» должно заниматься государство: «Человек, воспитанный в воспитательных учреждениях трудреспублики, будет значительно более приспособлен для жизни в трудовой коммуне, чем человек, детство которого прошло в замкнутой сфере эгоистических привычек семьи» [11, с. 71].

Если говорить о материнстве, то стоит отметить, что пропагандировались идеи «общественной матери». Она стала популярна в связи с появлением всего общественного (коммунальное жилье, столовые и т. д.). А поскольку при текущей идеологической направленности все важное для человека (пища, одежда, жилье) становится общим, дети тоже становятся достоянием всего общества, потому что их воспитание и развитие — забота каждого гражданина советского общества. Так, советский государственный деятель А. В. Луначарский высказался о матерях-единоличницах, выдвигал идею отказа от «мещанских» инстинктов, вскармливать грудью только своих детей и «стать матерью "вообще", а не конкретных собственных детей» [11, с. 71].

Можно встретить мнения историков, которые сопоставляют освобождение от «кухонного рабства» не с освобождением женщины для возможности самореализации, а с требованиями осуществления тоталитарной власти, которая «полностью контролировала распределение продуктов сообразно общественной пользе от индивида, ставя в прямую зависимость содержимое тарелки и желудка не только от объема труда, но и от лояльности режиму и преданности коммунистическим идеалам» [10, с. 91]. Государство отнимает у женщины возможность влияния на качество жизни населения «изнутри», соответственно, власть берет контроль над желаниями человека и отбирает у него его собственные, а если у человека забрать возможность испытывать желания, он станет хорошей машиной, обеспечивающей темпы развития.

Если говорить о «женском вопросе» 1920-х гг., нельзя не упомянуть личность Надежды Константиновны Крупской, супруги Владимира Ильича Ленина. Как жена вождя, она должна была стать примером женщины-гражданина.

Надежда Константиновна выступала за экономическую эмансипацию женщины: «самостоятельная работа и самостоятельный заработок женщины не могли не отразиться на отношениях между мужем и женой. Жена перестает быть рабой мужа, а делается равноправным членом семьи» [9, с. 86].

Материнство, по мнению Н. К. Крупской, должно быть осознанным, она поддерживала легализацию аборт, потому что каждая представительница женского пола вправе решать, когда и сколько детей ей иметь. Надежда Константиновна была сторонницей создания детских учреждений, в которых дети должны воспитываться: яслей, детских садов, детских колоний, детских общежитий.

Надежда Константиновна издавала женский журнал «Коммунистка», который занял роль генерального дискурса политико-воспитательного воздействия на женщин. Он печатался один-два раза в месяц и выпускался вплоть до 1930-х гг. «На страницах журнала печатались И. Ф. Арманд, А. М. Коллонтай, С. Н. Смидович, К. И. Николаева, А. В. Луначарский, Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, И. В. Сталин и другие. Они предлагали своё видение образа "новой советской женщины", определяли первоочередные задачи (в соответствии с решениями партии и правительства) в реализации женской политики и контролировали выполнение намеченных в этой области решений» [1, с.108].

Можно отметить статью «Классовая война и работница», написанную Александрой Коллонтай, где показана роль женщины на войне. «Работница, красная сестра, относится к раненому красноармейцу, прежде всего, как к товарищу и брату, без той слащавой обходительности, с которой буржуазные сестры подходили к бедному солдатику» [1, с. 107]. Речь идет не только о возможности работать медсестрой, но и быть пулеметчицей или связисткой, участвовать в рытье окопов или просто проводить агитацию.

Конечно, набор качеств идеальной советской женщины не ограничивался поведением на фронте, со страниц пропагандировалась модель женщины как строительницы социализма, путем упорного труда вчерашняя работница превращалась в активного общественного деятеля. Она организует общественное питание, заведует отделом охраны материнства, руководит социальным воспитанием, принимает живое участие в различных просветительских мероприятиях.

Кроме «Коммунистки» к женской периодике можно отнести такие журналы, как «Работница» с 1914 г., «Крестьянка» (1922–2015 гг.), «Журнал для женщин», «Журнал для хозяек» (1922–1926 гг.), «Женский журнал» (1926–1930 гг.), и местную печать.

В женских изданиях 1920-х гг. идет переосмысление роли женщины. Советская женщина — активная, спортивная, ответственная. Быт, конечно, все еще остается на ней, но журналы пропагандируют приобщение мужей к домашним обязанностям, освобождение от «кухонного рабства» и от «возни» с детьми, организацию прачечных и столовых, а также детских садов и других организаций.

Нравственным ориентиром служили образы героев, например, медицинских работников. Со страниц газеты «Беднота»: «Мы, работницы — Армия тыла, мы должны сделать все для того, чтобы миллионы жертв, которые погибли в этой борьбе за освобождение трудящихся, не оказались бесцельными. Наш долг позаботиться об Армии, чтобы она чувствовала, что там, в тылу, остались товарищи, которые проявляют активное участие в ее жизни. Это вольет в нее новую струю воодушевления и поднимет настроение славных борцов на фронтах» [1, с. 108].

Журнал «Работница» предлагал галерею сильных женских образов, которые учатся решать свои проблемы самостоятельно, без помощи мужчин. Среди них А. Ф. Ивахнова из Воронежской губернии, которая «и расписаться за себя не умеет, а в общественной жизни своего села принимает активное участие, за что и избрана делегаткой и членом сельсовета» [1, с. 108].

С 1926 г. начал выходить «Женский журнал», пропагандировавший активную женщину, улучшающую быт, дающую достойное воспитание детям, но при этом следящую за своим внешним видом. Он изображал женщин за работой, публиковал истории успешных представительниц эпохи: образцовых работниц, крестьянок, занятых бизнесом и т. д. Журнал был закрыт в 1930 г., несмотря на то что редакторский коллектив пытался его перестроить на новые идеи.

Итак, вместе со сменой государственного строя и созданием нового общества изменились моральные ценности, что было закономерным процессом, в связи с тем, что «новое общество» требовало изменить значительную психологическую составляющую человека: его устои, привычки, поведение и т. д. Так, поменялись роли мужчин и женщин, а с тем и их взаимоотношения — общество стремилось к равноправию. Однако некоторые идеи кажутся абсолютно безнравственными, например, Л. Д. Троцкий представлял семью в виде семейно-хозяйственных коллективов: «обобществление семейного хозяйства и воспитания детей немислимо без известного обогащения всего нашего хозяйства в целом. Нам нужно социалистическое накопление. Только при этом условии мы сможем освободить семью от таких функций и забот, которые ныне угнетают и

разрушают ее. Стирать белье должна хорошая общественная прачечная. Кормить — хороший общественный ресторан. Обшивать — швейная мастерская. Воспитываться дети должны хорошими общественными педагогами, которые в этом деле находят свое подлинное призвание. Тогда связь мужа и жены освобождается от всего внешнего, постороннего, навязанного, случайного. Один перестает заедать жизнь другого. Устанавливается, наконец, подлинное равноправие. Связь определяется только взаимным влечением» [5, с. 35], где «общественное воспитание детей» совершенно не укладывается в голове современного родителя.

Таким образом, 1920-е гг. — это интереснейший этап гендерной истории, включающий в себя совершенно новую культуру поведения: изменение брачных отношений, культурных ценностей. Это время работы крупных исторических деятелей: В. И. Ленина, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарского, Н. К. Крупской, И. Ф. Арманд и др. Конечно, было много проблем: предстояло обучить женщину, избавиться от гендерных стереотипов на производстве, от перегибов в области половой морали, организовать сеть яслей, детских садов, столовых, прачечных и т. д., но вектор был положен. Именно этому периоду современная женщина России обязана своим положением, а именно возможности самореализации и экономической эмансипации.

Список источников

1. Алферова И. В. Большеви́стская женская печать 1920-х гг. как средство социального конструирования «Новой советской женщины» // Вестник Удмуртского университета. 2011. № 3. С. 106–111.
2. Алферова И. В. Делегатские собрания 1920-х годов как проект подготовки советских женщин к управленческой деятельности // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1. С. 46–53.
3. Алферова И. В. Женщины в условиях «военного коммунизма» практики приспособления // Вестник УТГУ. 2011. № 1. С. 83–90.
4. Аманжолова Д. А. Из истории женского вопроса в СССР (от традиций к модерности). 1920–1930-е гг. // Российские регионы: взгляд в будущее. 2017. Т. 4. № 3. С. 26–43.
5. Бобринёв К. С., Гостев Ф. А., Корышев А. С. Изменения в семейно-брачных отношениях, теории «свободной любви» в Советской России в 1920-е гг. // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 40. С. 35–41.
6. Болотова Е. В. Формирование образа советской женщины в 20–30-е гг. XX в. (по материалам публикаций журнала «Работница») // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 2. С. 60–69.
7. Кныш А. Р. Женотделы как инструмент пропаганды и агитации среди крестьянок и рабочих // Евразийский союз ученых. 2020. № 6 (75). С. 10–13.

8. Кодекс законов «О браке, семье и опеке», III сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета XII созыва. М., 1926. С. 124–144. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_RuPRLIB00053007_12108/ (дата обращения: 10.02.2025).
9. Минаева О. Д. Публицистика об эмансипации женщин в 1920–1930 гг.: идеи, их реализация и судьбы феминисток // Медиальманах. 2020. № 5. С. 84–92.
10. Сохань И. В. «Долой кухонное рабство!»: к вопросу о гендерных трансформациях структур быта в советской России 1920-х гг. // Женщина в российском обществе. 2011. № 4. С. 88–95.
11. Старуш М. В. «Женский вопрос» без ответа: эволюция проблемы в советской России в 1920–1930-е гг. // Вестник Университета Российской академии образования. 2011. № 4. С. 70–72.
12. Ульянова С. Б. Гендерные отношения в советской промышленности в 1920-е–1930-е гг. // Terra Linguistica. 2013. № 4. С. 119–126.

References

1. Alferova I. V. Bolshevik Women's Press of the 1920s as a Means of Social Construction of the New Soviet Woman. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University], 2011. No 3. Pp. 106–111. (In Russ.)
2. Alferova I. V. Delegate meetings of the 1920s as a project for preparing Soviet women for management activities. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2011. No 1. Pp. 46–53. (In Russ.)
3. Alferova I. V. Women in the Conditions of "War Communism" Practice of Adaptation. *Vestnik UTGU* [Bulletin of UTSU], 2011. No 1. Pp. 83–90. (In Russ.)
4. Amanzholova D. A. From the History of the Women's Question in the USSR (from Tradition to Modernity). 1920-1930s. *Rossijskie regiony: vzglyad v budushchee* [Russian regions: a look into the future]. 2017. Vol. 4. No 3. Pp. 26–43. (In Russ.)
5. Bobrinev K. S., Gostev F. A., Koryshev A. S. Changes in family and marital relations, theories of "free love" in Soviet Russia in the 1920s. *Problemy sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Problems of modern science and education], 2016. No 40. Pp. 35–41. (In Russ.)
6. Bolotova E. V. Formation of the image of the Soviet woman in the 20-30s. XX century (based on the publications of the magazine "Rabotnitsa"). *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* [Bulletin of humanitarian education], 2018. No 2. Pp. 60–69. (In Russ.)
7. Knysh A. R. Women's departments as an instrument of propaganda and agitation among peasant women and workers. *Evrazijskij soyuz uchenyh* [Eurasian Union of Scientists], 2020. No 6 (75). Pp. 10–13. (In Russ.)
8. *Kodeks zakonov «O brake, sem'e i opeke», III sessija Vserossijskogo central'nogo ispolnitel'nogo komiteta XII sozyva* [Code of Laws "On Marriage, Family and Guardianship", III session of the All-Russian Central Executive Committee of the XII convocation]. Moscow, 1926. Pp. 124–144. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_RuPRLIB00053007_12108/ (accessed: 10.02.2025). (In Russ.)

9. Minaeva O. D. Journalism on the emancipation of women in the 1920s-1930s: ideas, their implementation and the fate of feminists. *Medial'manah* [Medialmanakh]. 2020. No 5. Pp. 84–92. (In Russ.)

10. Sokhan I. V. “Down with kitchen slavery!”: On the issue of gender transformations of everyday life structures in Soviet Russia in the 1920s. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian society]. 2011. No 4. Pp. 88–95. (In Russ.)

11. Starush M. V. “The Women’s Question” Without an Answer: The Evolution of the Problem in Soviet Russia in the 1920s–1930s. *Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya* [Bulletin of the University of the Russian Academy of Education]. 2011. No 4. Pp. 70–72. (In Russ.)

12. Ulyanova S. B. Gender Relations in Soviet Industry in the 1920s–1930s. *Terra Linguistica*. 2013. No 4. Pp. 119–126. (In Russ.)

Информация об авторе

Ефимова Диана Юрьевна, обучающаяся 3-го курса бакалавриата по направлению подготовки «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)». Профиль: «История. Правоведение», СГУ им. Питирима Сорокина (Россия, 167001, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55)

Information about the author

Diana Yu. Efimova, is a 3rd-year bachelor's degree student in the field of Pedagogical education (with two training profiles): History. Jurisprudence", Pitirim Sorokin Syktyvkar State University r (55, Oktyabrsky ave., Syktyvkar, 167001, Russia)

Поступила в редакцию: 31.03.2025.

Одобрена после рецензирования: 16.06.2025.

Принята к публикации: 17.06.2025.